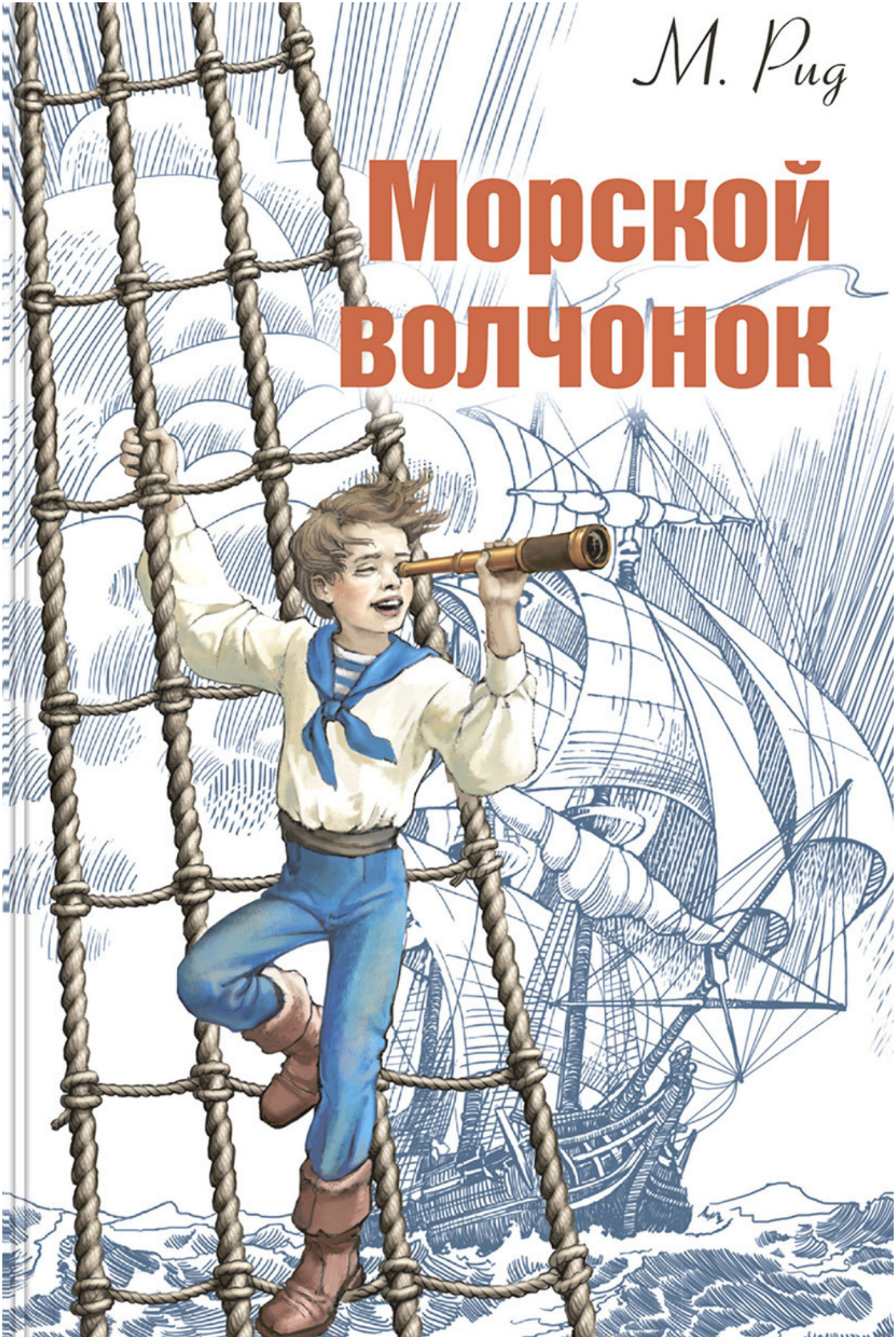
М. Рид

Морской волчонок



Мировая книжка

Томас Майн Рид

Морской волчонок

«ЭНАС»

1859

УДК 82-3
ББК 84-44

Майн Рид Т.

Морской волчонок / Т. Майн Рид — «ЭНАС», 1859 — (Мировая книжка)

Каких только опасных приключений не довелось пережить юному Филиппу Форстеру, которого не зря прозвали «морским волчонком»! И главное из них – плавание через всю Атлантику в корабельном трюме, куда его занесла тяга к дальним странствиям. Мальчик оказался запертым в полной темноте, без воды и пищи… Однако мужество, ловкость и здравый смысл помогли морскому волчонку преодолеть все трудности столь необычного путешествия и впоследствии стать настоящим морским волком. Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

© Майн Рид Т., 1859
© ЭНАС, 1859

Содержание

Предисловие от издательства 6
Глава I 8
Глава II 10
Глава III 15
Глава IV 17
Глава V 19
Глава VI 22
Глава VII 25
Глава VIII 27
Глава IX 29
Глава X 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Майн Рид
Морской волчонок

© Е. Атаева. Иллюстрации, 2015,
© А. Лившиц. Лит. обработка, 2015,
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

* * *

Предисловие от издательства

Английский писатель Томас Майн Рид (*Thomas Mayne Reid*, 1818–1883) известен во всем мире как автор приключенческих романов и произведений для детей и юношества. Его повести и романы переведены на французский, немецкий, итальянский, испанский, шведский, русский и даже на один из языков американских индейцев. Книгами Майн Рида зачитывались мальчишки и девчонки нескольких поколений.

Он родился в Ирландии, в семье англиканского пастора. Будущий писатель был назван в честь прадеда. Впоследствии, чтобы не путать его с отцом, которого тоже звали Томас Майн, первое имя употреблять перестали. Так мальчик стал Майн Ридом.

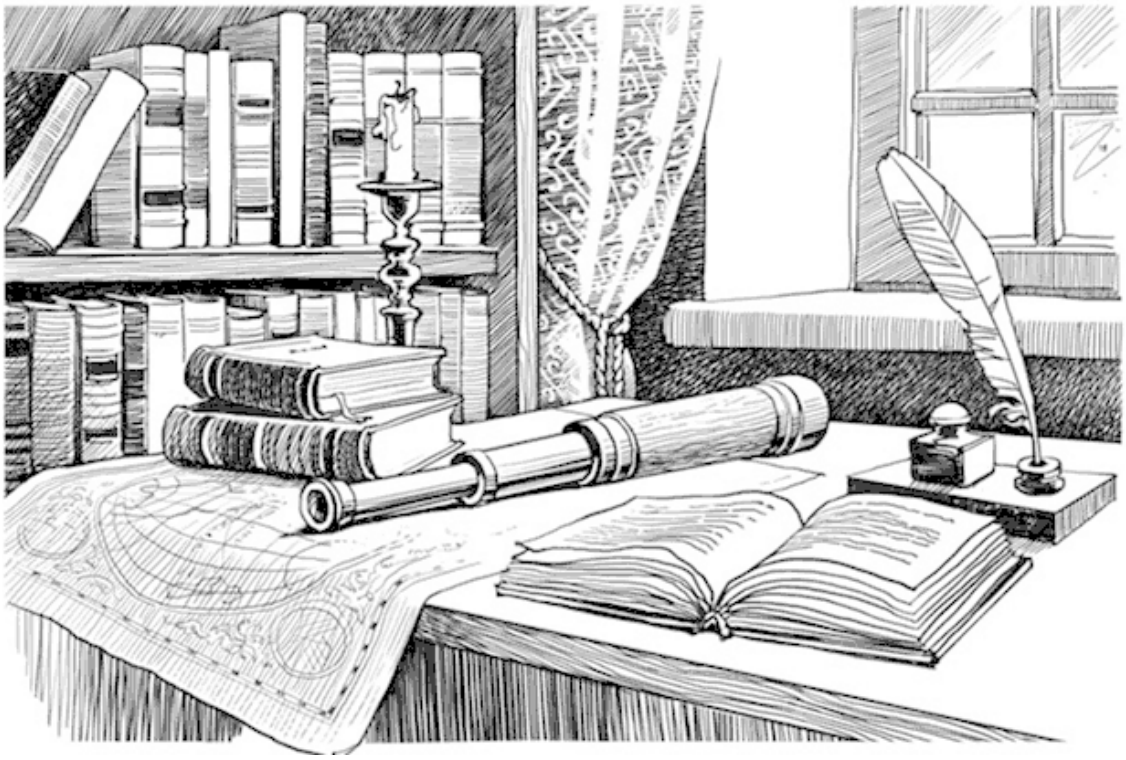
Получив образование в Белфасте, юноша в поисках приключений отправился в Америку: торговал с индейцами, промышлял трапперством, учительствовал в школе. В качестве журналиста он участвовал в Мексиканской войне, был тяжело ранен. После выздоровления поселился в Лондоне, где опубликовал в 1850 году свой первый роман «Вольные стрелки». Вскоре здесь вышли в свет и другие произведения, в основе которых лежали приключениях самого Рида в США. Наибольшую популярность получил роман «Всадник без головы» (1865).

В 1867 году Рид вернулся в Америку и основал в Нью-Йорке журнал Onward Magazine. Однако американская публика встретила его новые произведения без былого восторга. В 1870 году разочарованный писатель с женой окончательно перебрались в Англию. В последние годы жизни Рид, переживший свою известность, сочинял в основном научно-популярные книги для юношества.

За свою жизнь Майн Рид написал около 60 произведений, среди которых «В поисках белого бизона», «Белый вождь», «Отважная охотница», «Оцеола, вождь семинолов» и др.

«Морской волчонок» вышел в свет в 1859 году. Отчаянный мальчишка с непреодолимой тягой к морским путешествиям сразу завоевал сердца юных читателей.

Герой повести, старый моряк, рассказывает юным слушателям о своих приключениях. С самого раннего детства им овладела страсть к морю и тяга к морским путешествиям. Еще мальчиком он попадал в самые неожиданные ситуации и часто подвергался смертельной опасности. Но его всегда выручали отвага, смекалка и сила духа.



Глава I
Мои юные друзья

Я – старый Филипп Форстер и живу в мирной деревушке, расположенной на берегу моря, в глубине большой бухты, самой обширной на всем нашем острове.

Но хоть и скромна моя деревушка, она тем не менее вправе считаться морским портом: у нее есть даже своя собственная гранитная набережная или, правильнее, мол, у которого почти всегда можно видеть два или три шлюпа, столько же шхун, а иногда случается увидеть и бриг[1]; прибавьте к этому громадное число лодок, из которых одни вытащены на песчаный берег, а другие бороздят бухту по всем направлениям, – и вы без труда угадаете, что мои односельчане занимаются главным образом рыбной ловлей, а вовсе не торговлей.

В этой деревушке я появился на свет Божий, в ней же надеюсь и окончить свои дни. Но, хотя я и здешний уроженец, жители деревушки почти ничего не знают обо мне. Они называют меня капитаном Форстером, а иногда просто капитаном, хотя, в сущности, я не имею никакого права на это звание: я никогда не служил ни в армии, ни в королевском флоте. Они должны бы называть меня шкипером, потому что я был не только судовладельцем, но и командиром торгового корабля, а капитаном они называют меня только из вежливости, желая, так сказать, польстить старику.

Все в деревне привыкли видеть, как я каждое утро выхожу из дому и с подзорной трубой под мышкой направляюсь к набережной осматривать все уголки горизонта. Кроме этого жители моей деревушки ничего не знают ни о моих привычках, ни о моей предыдущей жизни. Они знают, что у меня очень много разных книг, знают, что почти все свое свободное время – а у меня его много – я провожу за книгами, и поэтому считают меня великим ученым.

Впрочем, нет ничего удивительного, что мои односельчане так мало знают обо мне: мне было всего каких-то двенадцать лет, когда я покинул деревню, и не был в ней после этого целых сорок лет.

Когда я наконец вернулся на родину, оказалось, что все меня как будто позабыли. Если кто и помнил кого, так только моих родителей, да и то смутно. Отец мой был моряком и, как моряк, очень редко и очень ненадолго появлялся дома. Поэтому я и не сохранил о нем почти никаких воспоминаний, хотя помню, что очень сильно горевал, когда пришло к нам известие о смерти отца, погибшего во время кораблекрушения. Моя мать – увы! – скоро последовала за ним в могилу. Но умерли они оба так давно, что в деревне даже забыли об их существовании.

Но из этого вовсе не следует, что я живу отшельником. Я расстался с морем, чтобы иметь возможность спокойно провести остаток дней моих, но я вовсе не избегаю людей. Напротив, я всегда любил общество, и, несмотря на мой преклонный возраст, я больше всего люблю общество молодежи; благодаря этому я и сам пользуюсь уважением и симпатиями юного поколения. Я готов целыми часами помогать им то запускать змея, то пускать кораблики, вспоминая при этом ту радость, которую доставляли мне эти забавы, когда я был мальчиком.

Эти милые дети вовсе не догадываются, что старик, принимающий такое живое участие в их играх, большую часть своей жизни провел в разнообразных приключениях, подвергаясь подчас страшнейшим опасностям.

Некоторым из моих односельчан я рассказал кое-какие факты из моей полной приключений жизни. Я вообще охотно рассказываю о своих странствиях, как только встречаю человека, которого это интересует. И даже здесь, у себя в деревушке, подобрал такой замечательный кружок слушателей, что могу этим гордиться. Тут неподалеку находится школа, куда прини-

[1] Шлюп, шху́на, бриг – типы парусных судов.

мают молодых джентльменов исключительно из привилегированного класса, и вот эти-то юные джентльмены и являются моими наиболее внимательными и заинтересованными слушателями.

Я почти ежедневно встречал их во время своих прогулок по морскому берегу. Мое загорелое лицо, моя осанка старого морского волка обратили на себя их внимание; скоро мы стали друзьями и время от времени, но каждый раз по их просьбе, я рассказывал им кое-что из моих приключений.

Я никогда не отказывал моим юным друзьям в просьбе рассказать что-нибудь, мне это даже доставляло удовольствие: старые солдаты и старые моряки – последние в особенности – ничего так не любят, как рассказывать о своих похождениях.

Как-то утром я встретил своих молодых друзей гораздо раньше обычного. Почти все они были в сборе и в этот день, по-видимому, вовсе не собирались предаться своим любимым играм. Старший из них держал в руках сложенный лист бумаги. Как только я подошел к ним, юноша, не говоря ни слова, подал мне бумагу. Я также молча развернул ее. Это было нечто вроде прошения, подписанного всеми присутствующими школьниками. Вот содержание этого любопытного документа:

> «Дорогой капитан, сегодня мы свободны до самого вечера и решили провести это время как можно приятнее и, кроме того, с пользой для нас. Вы ведь знаете, что для нас нет большего удовольствия, чем слушать ваши рассказы. Это дает нам смелость просить вас рассказать нам одно из самых замечательных событий вашей полной приключений жизни.
>
> Мы предпочли бы какую-нибудь трогательную историю, но, впрочем, выберите и расскажите то, что вам самому будет приятнее; мы же, со своей стороны, обещаем слушать вас внимательно, тем более что нам вовсе не трудно будет сдержать такое обещание.
>
> Надеемся, дорогой капитан, что вы исполните нашу просьбу, за что податели этого прошения будут питать к вам вечную благодарность».

Я, конечно, не мог не исполнить такой вежливой просьбы и отвечал, что немедленно готов исполнить желание моих юных друзей. Сюжетом для рассказа я выбрал один эпизод из моей жизни, который, по моему мнению, должен был наиболее заинтересовать их, – это была история моего детства и моего первого морского путешествия, «путешествия в потемках», как я его прозвал – вследствие весьма странных обстоятельств, при которых оно совершилось.

Выбрав удобное местечко на берегу моря и подождав, пока мои благодарные слушатели разместились вокруг меня, я начал свой рассказ.

Глава II
На буксире у… лебедя

С самого раннего детства я страстно любил воду; мой отец, мой дед и мой прадед были моряками – и я унаследовал их страсть. И действительно, вода, похоже, была моей родной стихией. В годы раннего детства я доставил много горя моей покойной матери, которая все боялась, как бы я не утонул, а меня так и тянуло к воде, хотя бы передо мной была всего только грязная лужа.

В это время со мной и произошло первое, так сказать, приключение, которое я помню так хорошо, как будто оно случилось только вчера.

Я был тогда еще в том счастливом возрасте, когда пускают по воде бумажные кораблики; я строил свои корабли из листов старой книги или из газетной бумаги и пускал их по луже, которую, конечно, величал не иначе как океаном. Но мне показалось недостаточным играть все время только с бумажными корабликами, и я придумал кое-что получше. Целых шесть месяцев я откладывал свои карманные деньги и накопил за это время столько, что смог купить настоящий шлюп со всем необходимым такелажем[2], сработанный в свободные минуты руками одного старого моряка. Шлюп этот был всего только шести дюймов[3] в длину и не больше трех в ширину, но, несмотря на это, в моих глазах он был ничуть не хуже настоящего трехпалубного морского корабля.

Мне казалось просто стыдно пускать такой большой хороший шлюп в какой-то грязной луже, где плещутся утки, и я стал подыскивать другое подходящее местечко для моего океанского корабля. Место нашлось, и очень скоро, – это был пруд или, вернее, небольшое озеро, вода в котором была прозрачна, как кристалл. Здесь протекли самые счастливые часы моего детства. Это роскошное озеро было расположено среди парка, принадлежавшего одному жившему по соседству почтенному джентльмену. Владелец парка, а с ним вместе и озера, был прекраснейшей души человек, очень снисходительно относившийся к окрестным жителям, особенно к меньшей братии. Он никому не запрещал гулять в его владениях, а нам, детям, кроме того, позволял пускать кораблики по озеру и играть в мяч на лугу – с единственным условием: не топтать цветы и не ломать деревца, которыми были обсажены аллеи.

Все, конечно, ценили эту милость, и, насколько я помню, даже нас, детишек, нельзя было упрекнуть в умышленной порче хотя бы одного кустика.

И парк, и озеро существуют еще и до сих пор, как нам известно, но достойный джентльмен давно уже покинул этот мир. Он и тогда был уже стар, а я рассказываю вам о том, что случилось шестьдесят лет тому назад…

На озере водилось с полдюжины лебедей, если память мне не изменяет, но, кроме того, еще много разных водяных птиц, все редких пород. Детям доставляло большое удовольствие кормить этих птиц; редкий день проходил без того, чтобы кто-нибудь не принес из дома хлеба для своих пернатых любимцев. Что касается меня, то я никогда не приходил на озеро с пустыми карманами.

Однажды я с раннего утра отправился к озеру. Никого из моих товарищей там еще не было; тем не менее я, по обыкновению, спустил свой шлюп и затем отправился в обход, чтобы поймать его на противоположном берегу. Шлюп подвигался очень медленно, так как ветер был очень слаб; это позволяло и мне не особенно торопиться, чему я отчасти был даже и рад, и решил пока немного заняться лебедями, ради которых не раз совершал мелкие покражи в

---

[2] Такела́ж – оснастка парусного судна.

[3] Дюйм – английская мера длины, равная примерно 2,5 сантиметра.

материнском буфете. И в этот день карманы мои были полны хлебом, которым я вознамерился угостить птиц в ожидании, пока мой корабль переплывет океан, то есть озеро.

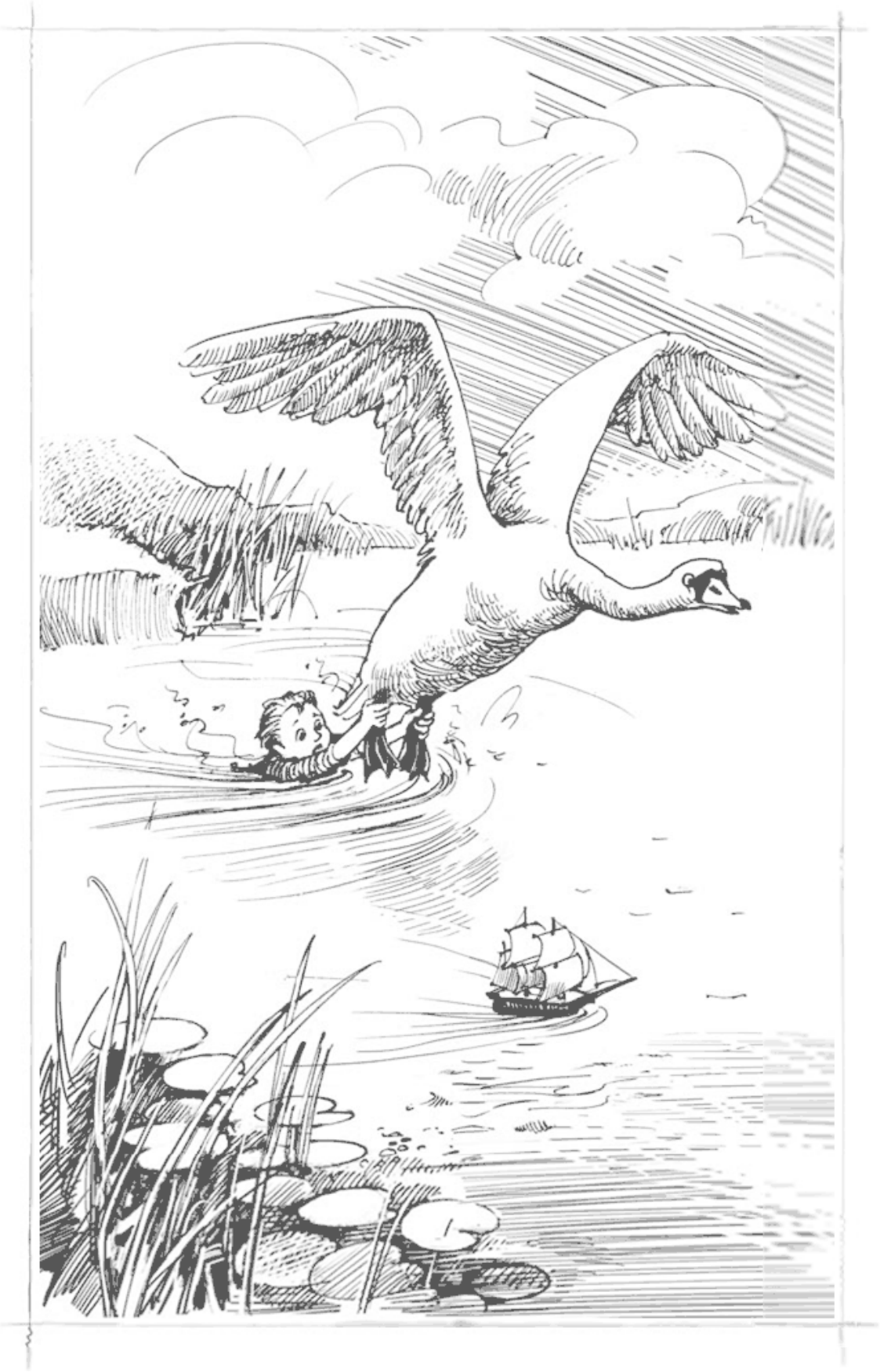
Лебеди меня давно уже заметили и, как только я подошел к противоположному берегу, направились ко мне, быстро скользя по поверхности воды, грациозно изогнув шеи и слегка растопырив крылья. В несколько секунд они были уже около меня и с поднятыми кверху клювами жадно следили глазами за малейшим моим движением.

Я взял ветку, расщепил ее на одном конце и, вкладывая в расщеп по кусочку хлеба, начал кормить птиц. Куски быстро исчезали; я почти уже опустошил свои карманы, как вдруг кусок дерна, на котором я стоял, оторвался и увлек меня за собой.

Я упал в воду и, тогда еще не умея плавать, наверное, утонул бы, если бы не очутился между лебедями, которых мое падение поразило и испугало не меньше, чем меня самого.

Движимый инстинктом самосохранения, общим для всех живых существ, я протянул руки, как это обыкновенно делают все утопающие – в надежде ухватиться за первый попавшийся предмет, и машинально поймал руками лапы одного из самых крупных лебедей, за которые и уцепился изо всех сил.

Когда я упал в озеро, вода залила мне глаза и уши; я почти не осознавал того, что делаю. Я слышал только крики лебедей, в испуге поспешно разлетавшихся в разные стороны. Но потом, уже немного придя в себя, заметил, что держу за ноги одного из лебедей, который и потащил меня как на буксире. Гораздо быстрее, чем я это вам рассказываю, я переплыл больше половины озера. Лебедь, собственно, даже и не плыл, а летел по поверхности воды. Без сомнения, испуг удвоил его силы, иначе, несмотря на всю свою мощь, он был бы не в состоянии тащить такую тяжесть. Но, конечно, это не могло продолжаться долго. С каждой минутой я все больше и больше погружался в воду и чуть не захлебнулся; я начал терять сознание, наверное, еще немного – и я выпустил бы из рук лапы лебедя. Но как раз в самую критическую минуту я почувствовал, что мои колени касаются дна, что я нахожусь около берега. В тот же миг я разжал руки. Освободившись от тяжелой ноши, перепуганная птица взмахнула крыльями и улетела прочь, оглашая окрестности пронзительными криками.



Чихая и отфыркиваясь, я встал на ноги и, пошатываясь, выбрался из воды на твердую землю – здрав и невредим.

Этот несчастный случай до такой степени напугал меня, что мне и в голову не пришло искать мой шлюп, и он так и остался странствовать по озеру, дрейфуя по воле ветра, а сам я во весь дух полетел домой, где первым делом принялся сушить у огня насквозь промокшую одежду.

Вы, может быть, подумаете, что этот суровый урок охладил мою страсть к воде, – ничуть не бывало! Купание не излечило, да и не могло излечить меня от моей врожденной страсти, хотя и сыграло важную роль в моей жизни: так я в первый раз увидел, какой опасностью может грозить падение в воду, особенно в глубоком месте. Как ни странно, но раньше я об этом и не подозревал и только в тот день понял, как важно уметь держаться на воде. И я твердо решил как можно скорее научиться плавать. Мать одобрила мое намерение и каждый день все спрашивала меня, как идет дело, а отец, который в это время был в плавании, в одном из писем даже прислал мне целый теоретический курс плавания. Я с жаром предался новому спорту, пообещав самому себе в самом непродолжительном времени сделаться первостатейным пловцом.

С этого времени я почти ежедневно, возвращаясь домой из школы, отправлялся купаться и барахтался в воде, как молодой тюлень. Дети постарше меня и уже умевшие плавать дали мне несколько уроков, и я очень скоро, к величайшему моему удовольствию, уже мог плавать даже на спине, причем без посторонней помощи. Я и сейчас помню, какой гордостью наполнилось мое сердце, когда мне в первый раз удалось совершить этот подвиг.

Я хочу воспользоваться случаем и незамедлительно дать вам благой совет, мои юные друзья: последуйте моему примеру и учитесь плавать; умение плавать может вам пригодиться гораздо раньше, чем вы думаете, и в случае необходимости поможет вам спасти свою жизнь.

В наше время люди больше чем когда-нибудь рискуют утонуть. Теперь почти каждому приходится хоть изредка, а некоторым и очень часто передвигаться по воде – по морю или по реке. Одни едут по делу, а другие так, для собственного удовольствия, но все они одинаково подвергаются опасности. И сколько же из них гибнет, особенно в те годы, когда бури случаются особенно часто!

Советую вам учиться плавать, хотя и не стану уверять вас, что хороший пловец сможет добраться до берега, если упадет в воду посреди Атлантического океана или даже Ла-Манша; но очень часто можно спастись, и не достигая земли. Иным удается схватиться за опрокинутую лодку, за какое-нибудь бревно, наконец даже за куриную клетку или пустой бочонок. Иногда достаточно бывает продержаться таким образом очень недолго, каких-нибудь несколько часов, пока проходящий мимо корабль пошлет шлюпку и подберет потерпевшего крушение. Но почти все не умеющие плавать в таких случаях идут ко дну.

Но обыкновенно крушения судов случаются не среди океана, там они очень и очень редки по сравнению с крушениями в виду берегов или даже у самых берегов.

Каждый год сотни несчастных тонут в каком-нибудь кабельтове[4] от берега и почти исключительно потому, что не умеют плавать. Целые корабли, битком набитые эмигрантами, солдатами и моряками, гибнут со всем живым грузом, за исключением нескольких человек хороших пловцов. Подобные же несчастья случаются и на реках, причем даже не таких уж широких и глубоких.

Но почему же в таком случае – возникает невольный вопрос – так сравнительно мало людей, умеющих плавать? Почему не сделать это обязательным, так же как введено обязательное образование?

Нельзя ли, по крайней мере, требовать, чтобы все отправляющиеся путешествовать по воде, а особенно по морю, имели под рукой спасательные пояса? Такой пояс стоит сравнительно недорого, и если бы у всех путешественников они были с собой, это дало бы возможность сохранить многие тысячи жизней.

---

[4] Ка́бельтов – морская мера длины, примерно 185 метров.

Поэтому, дорогие мои слушатели, я еще раз призываю вас последовать моему совету и во что бы ни стало выучиться плавать, причем плавать хорошо. Чем скорее вы приметесь за это, тем лучше, и непременно упражняйтесь ежедневно, пока, конечно, это будет позволять температура воды. Учитесь плавать теперь, пока вы молоды; позже у вас, по всей вероятности, не будет на это ни времени, ни случая, ни охоты. Иначе вы можете упасть в воду и утонуть гораздо раньше, чем у вас начнет расти борода.

Сколько раз был я на волосок от смерти за время моих многолетних странствий по морю! Это море, которое я так страстно любил, да люблю и теперь, казалось, ежеминутно стремилось меня поглотить, и я мог бы, право, упрекнуть его в неблагодарности – в ответ на мою любовь, если бы не знал, что оно просто стихийная сила и не может нести ответственность за свои действия.

Глава III
Опасное течение

Со дня моего купания в пруду с лебедями прошло уже три недели, и я успел взять несколько уроков плавания. И вдруг новое приключение чуть было не положило конец моим упражнениям на воде. Оно произошло уже не в парке, где мы не имели права купаться; впрочем, когда живешь на берегу моря, не очень-то охотно купаешься в пресной воде, поэтому свой курс обучения плаванию я проходил в соленой воде.

Надо сказать правду – наш берег пользовался не особенно хорошей репутацией. Хотя гладко обточенные водой камешки, золотистый песок и белые раковинки и делали его очень красивым, но около него проходило сильное течение, особенно опасное для неопытных пловцов. Говорили даже, что кто-то тут утонул, но это было так давно, что об этом почти уже и вспоминать перестали. Потом еще был случай, что несколько человек купающихся, как говорили, волнами были унесены в море и, наверное, погибли бы, если бы посланным на помощь к ним лодкам не удалось вовремя их спасти.

Странная вещь! Старики и важные лица нашей деревушки никогда не упоминали об этих несчастных случаях и пожимали плечами, когда при них об этом заговаривали. Одни просто отрицали существование течения, другие считали его совершенно безопасным, но почему-то все они запрещали своим детям купаться вблизи места, пользовавшегося дурной славой. Что бы это значило? Тогда я этого не знал, но позже, когда я уже возвратился в деревню после сорокалетнего отсутствия, я разгадал-таки причину. Это было, видите ли, потому, что наше местечко считается маленьким морским курортом и своим процветанием отчасти обязано туристам, приезжающим провести в нем несколько недель во время купального сезона.

Так что если бы этим приезжим кто-нибудь из местных жителей подтвердил, что здесь действительно не совсем безопасно купаться, все эти господа, само собой разумеется, на будущий год уже не появились бы в нашей деревушке. Поэтому-то я и вам не советую, да и сам никогда не завожу разговоров на эту тему с воротилами нашего местечка – главным образом, чтобы не ссориться с ними.

Все это я сообщил вам сейчас, друзья мои, в виде предисловия к рассказу о том, как я сам однажды попал в это течение и утонул в нем. «Не совсем, – скажете вы, – если вы не умерли». Ну, а я вам на это отвечу, что и сам до сих пор в этом сомневаюсь, потому что я не только был без чувств, но даже не дышал, и меня можно было бы разрезать на куски, не причинив ни малейшей боли. Если я и вернулся к жизни, то обязан этим молодому моряку из нашей деревни, Гарри Блю.

Приключение это, в сущности, очень обыкновенное; я рассказываю вам о нем только для того, чтобы вы знали, каким образом я познакомился с Гарри, потому что его пример и его советы имели на мое будущее огромное влияние.

В этот день я пошел к песчаному берегу, чтобы искупаться, как обычно; совершенно случайно я выбрал место, где вообще редко бывали купальщики: течение там было довольно быстрым. Как только я вошел в воду, течение подхватило меня и повлекло в открытое море, причем так далеко, что я вряд ли сумел бы без посторонней помощи вплавь добраться до берега. От страха ли, – так как я отлично сознавал грозящую мне опасность, – или же по какой-то другой причине, но только я вдруг потерял способность плыть и камнем пошел ко дну.

Но, по всей вероятности, я не сразу потерял сознание, поскольку помню, что, когда меня подбрасывало волной, я видел поблизости лодку, в которой сидел человек. Потом вдруг в глазах у меня потемнело, в ушах зазвенело, и я потерял сознание.

Когда я пришел в себя и открыл глаза, оказалось, что я уже на берегу. Возле меня стоял на коленях какой-то человек и делал некие странные и смешные движения. Он растирал все мое тело своими руками, нажимал мне на живот под ребрами, дул мне в рот и щекотал ноздри перышком.

Это и был Гарри Блю, старавшийся возвратить меня к жизни. Как только я пришел в сознание, он взял меня на руки и отнес домой, где моя бедная мать чуть не лишилась рассудка, увидев меня в таком состоянии. Здесь меня прежде всего почти насильно заставили выпить несколько глотков вина, потом стали прикладывать к ногам горячие кирпичи и бутылки с водой, завернули меня в одеяла, а нос намазали каким-то маслом; в общем, мне пришлось принять бог знает сколько разных снадобий, прежде чем присутствующие объявили меня вне опасности.

На другой день я был уже на ногах, такой же свежий и веселый, как и всегда.

Казалось, на этот раз я получил такой тяжелый урок, что должен был бы навсегда отвернуться от моря. Но вы сами увидите дальше, что это мое второе приключение ни капельки не изменило меня и, каким я был, таким и остался.

Глава IV
Гичка

Незаметно для самого себя я скоро подружился с молодым перевозчиком, знакомство с которым было начато при таких необычайных обстоятельствах. Гарри Блю пользовался репутацией доброго и смелого малого; на мою детскую привязанность он отвечал тем же – ему, видно, моя дружба тоже была приятна. Все свои свободные минуты Гарри посвящал мне, стараясь как можно скорее сделать из меня отличного пловца и гребца. Я оказался способным учеником и в очень короткий срок научился грести, работая сразу обеими руками, причем с таким искусством, какого даже трудно было ожидать от ребенка моих лет. Как я гордился, когда получал позволение отшвартовать лодку от пристани, где она постоянно была привязана, и привести ее порой на другой конец бухты, чтобы взять там ожидавшего меня Гарри. При этом, проезжая вдоль берега или мимо корабля, стоявшего на якоре, я иногда слышал не особенно лестные замечания в свой адрес, сопровождавшиеся взрывами хохота и насмешками:

«Посмотрите-ка на этого мальца! И как это он умудряется держать весла в руках?»

Но эти шутки меня нисколько не оскорбляли; напротив, я всегда очень гордился, что, несмотря на свой возраст, я умел управлять лодкой так же хорошо, если не лучше, чем многие мальчики даже вдвое старше меня.

Все это привело к тому, что постепенно меня совсем перестали задирать насмешками. А деревенские жители так даже на все лады хвалили меня за мое искусство и частенько шутя называли «маленьким перевозчиком» или «молодым матросиком», но чаще всего – «морским волчонком». Отец, заметив мою непреодолимую страсть к морю, решил сделать меня моряком, и если бы он не умер так скоро, то я, наверное, отправился бы с ним в следующее же путешествие. Мать, со своей стороны, не только ничего не имела против того, чтобы я стал моряком, но даже как будто старалась развить во мне любовь ко всему морскому и с этой целью всегда одевала меня матросом: голубые панталоны и куртка, черный шелковый галстук и большой отложной воротник. Мне очень нравилось разыгрывать из себя матроса, и, по всей вероятности, этот мой костюм и послужил поводом для насмешливого прозвища «морской волчонок». Но я, как уже говорил вам, не только не обижался, а, напротив, гордился этим прозвищем, тем более что в первый раз так назвал меня Гарри Блю.

В это время дела Гарри шли отлично. У него было два судна. Большее из них, так называемый ботик, использовалось, когда человека три или четыре из приезжих изъявляли желание совершить прогулку по морю под парусами, а меньшее, гичка[5], обычно служило для перевозки пассажиров. Во время купального сезона, когда к нам наезжало немало охотников до всякого рода экскурсий, ботик то и дело оказывался занятым, тогда как гичка все это время праздно стояла у пристани. Гарри Блю, желая доставить удовольствие своему маленькому другу, позволял мне в такие часы пользоваться гичкой для катания по бухте и даже, если мне была охота, прихватывать с собой кого-нибудь из товарищей.

После школы я обычно шел к тому месту, где стояла привязанной гичка, отшвартовывал ее и катался по всей бухте от одного края до другого; но я редко бывал один, потому что большинство моих школьных товарищей, как и я, бредили кораблями, и не один из них завидовал неоценимой привилегии располагать лодкой по своему усмотрению. Таким образом, я почти ежедневно вместе с кем-нибудь из друзей катался в гичке, если только, конечно, погода была хороша. Разъезжая по бухте, я всегда старался держаться невдалеке от берега, чтобы волны ненароком не перевернули мое утлое суденышко.

---

[5] Бо́тик, ги́чка – легкие гребные или парусные суда.

Но с каждым днем я становился все смелее и смелее и дошел, наконец, до того, что уже больше чем на целую милю[6] отплывал от берега в открытое море. Мой друг Гарри Блю наконец заметил это и сделал мне выговор довольно суровым тоном; но этот выговор вовсе не произвел на меня должного впечатления, потому что мне тут же случайно удалось услышать, как Гарри, отойдя от меня, сказал одному из своих товарищей:

– Удивительный ребенок, не правда ли, Боб? В нем сразу видна порода, и он, наверное, станет настоящим моряком, как бы мало ни пришлось ему жить на свете.

Из этого разговора я вывел заключение, что Гарри, собственно говоря, в душе вовсе не порицает меня за мою смелость; поэтому его приказание не удаляться от берега не возымело никакого действия.

Скоро я и думать забыл о полученном выговоре, и мое непослушание, как вы сейчас увидите, опять чуть не стоило мне жизни.

Но сначала я вам расскажу о несчастном событии, которое произвело настоящий переворот в моей судьбе.

Я вам уже говорил, что мой отец находился в плавании. Он командовал купеческим кораблем, совершавшим рейсы между американскими колониями, и так редко бывал дома, что я его почти не помню.

С того самого дня, как мы получили грустное известие о крушении корабля и о гибели отца, мать моя начала таять и, казалось, только одного и хотела – как можно скорее свидеться в лучшем мире с тем, кого она потеряла здесь. Небо не замедлило исполнить ее желание: несколько недель спустя я уже провожал мою бедную мать к ее последнему жилищу.

С этого времени жизнь моя резко изменилась: я остался сиротой без каких-либо средств к существованию.

Как сироту меня взял на воспитание дядя, брат моей покойной матери, которому, к несчастью, не было свойственно ни одного из мягких и нежных чувств его сестры. Это был грубый, вечно угрюмый человек, и я скоро заметил, что он относится ко мне не лучше, чем к самому последнему из своих работников, потому что обращался он со мной точно так же, как и с ними.

Начнем с того, что, попав к дяде, я больше уже не ходил в школу. Но из этого вовсе не следовало, что меня оставляли целыми днями бегать по улицам. Дядя мой был фермером; он и для меня нашел подходящее занятие по хозяйству. Я стерег коров, пас свиней, ходил за плугом, водил лошадей на водопой, кормил овец и телят; целый день, от зари и до зари, я был занят этими работами. Возможность для отдыха была у меня только по воскресеньям, но не потому, что дядя мой был очень религиозен, а просто потому, что в нашей деревне заведено было не работать в этот день. Не будь у нас этого обычая, вынуждавшего дядю следовать примеру других, мне кажется, он заставлял бы нас и в воскресенье работать точно так же, как и в будние дни. Но, несмотря на то, что мы праздновали воскресенья, дядя и не думал посылать меня в такие дни в церковь, а предоставлял болтаться где угодно и делать что хочу.

Нечего и говорить, что я не сидел дома и не бродил по полям. Синее, вечно бурлящее море, простиравшееся до горизонта, привлекало меня гораздо больше, чем птичьи гнезда и другие сухопутные развлечения. Как только удавалось мне вырваться из дома, я спешил к своей любимой стихии; здесь я или отправлялся вместе с Гарри Блю в одну из его водных экскурсий, или же брал гичку и плавал на ней до позднего вечера сначала по заливу, а потом и в открытом море.

Но одно из воскресений мне пришлось провести далеко не так приятно, как всегда: я попал в такую передрягу, что этот памятный для меня день чуть не стал последним в моей жизни, как вы сейчас увидите.

---

[6] Ми́ля – мера длины; английская сухопутная миля составляет 1609,3 метра; морская миля равна 1852 метрам.

Глава V
Первая экспедиция

Это было чудесное майское утро. Солнце заливало землю светлыми лучами, птицы наполняли воздух своим веселым пением.

Как хорошо было в полях! Зеленые изгороди стояли в полном цвету; пшеница еще зеленела; покрытые сочной травой луга пестрели алыми и золотистыми цветами. А над ними, вверху, купаясь в лучах восходящего солнца, заливались жаворонки, гнезда которых скрыты были тут же под ногами прохожего.

Какая это была приманка для большинства детей моего возраста! Но другое поле – огромное, жидкое, темно-синего цвета, спокойные и прозрачные воды которого, как гигантское зеркало, далеко отражали солнечные лучи, неотвратимо влекло меня к себе.

А потому, когда, выходя из своей комнаты, я увидел вдали море, гладкое как стекло, я вдруг почувствовал сильное желание тотчас же пуститься по его волнам.

Впрочем, на всякий случай я принял некоторые меры предосторожности, чтобы мне не помешали в исполнении моего намерения. Дядя мог догадаться, куда я иду, и вернуть меня, приказав не уходить далеко от дома; хоть он и не имел ничего против того, чтобы я сколько угодно бегал по полям, но был решительно против моих водных экскурсий и строго-настрого запретил мне без его позволения ходить к морю. Вот почему я был должен применить маленькую военную хитрость и вместо того, чтобы идти по аллее, которая вела к большой дороге, пошел окольной тропинкой. Таким образом мне удалось добраться до берега, не встретив никого из жителей фермы.

Дойдя до бухточки, где обычно стояли лодки моего друга Гарри Блю, я увидел, что ботика нет на месте, зато гичка была тут – к моим услугам. Это-то мне и нужно было, потому что я решил совершить в этот день большую прогулку.

Спрыгнув в гичку, я увидел, что там много воды, – значит, ей уже давно никто не пользовался. Но, по счастью, на дне отыскалась старая кастрюля, исполнявшая роль черпака. Минут десять или пятнадцать ушло на вычерпывание воды, после чего я решил, что теперь можно смело пускаться в путь. Весла, как я знал, всегда хранились в хижине, расположенной на некотором расстоянии позади дома Гарри; я пошел за ними, как делал это уже не раз и раньше, не имея надобности спрашивать у кого-либо позволения.

Укрепив уключины, я продел в них весла и отчалил от пристани. Утлый челнок скользил по воде как рыба; сам я был весел и доволен как никогда.

Синяя блестящая поверхность моря напоминала зеркало; вода была так прозрачна, что я видел, как в глубине разгуливают рыбы. Песок на дне нашей бухты отливал серебром, и я даже различал на нем самых маленьких крабов. Я видел маленьких селедок, широких палтусов, макрелей роскошно-зеленого цвета, морских угрей, толстых, как удавы… Все они преследовали добычу или резвились в родной стихии.

Это было такое утро, какие редко случаются на нашем побережье; лучшего дня я не мог выбрать для намеченной экспедиции.

Вы хотите знать, куда именно я собирался, – а вот сейчас и узнаете.

Приблизительно в трех милях от берега виднелся очень маленький островок; собственно говоря, его не следовало бы даже и называть островком, так как это была просто вершина утесистого рифа, всего на несколько дюймов поднимавшаяся над поверхностью воды во время отлива. А во время прилива волны совершенно закрывали его и над водой виднелась только

тонкая веха, поднимавшаяся всего на несколько футов[7] над морем; на ее конце было укреплено что-то вроде буйка. Веха, разумеется, была установлена здесь для того, чтобы предупреждать о подводном рифе плавающие возле наших берегов шлюпы и другие суда, которые иначе могли бы натолкнуться на утес и потерпеть крушение.

Как я уже говорил, островок было видно с берега только во время отлива; обычно он казался черным, как уголь, но иногда бывал так же бел, как если бы на целый фут был покрыт снегом. Я знал, чем объясняется эта перемена цвета; я знал, что этот белый «плащ» – не что иное, как бесчисленная стая роскошных морских птиц, садившихся на утесы, чтобы отдохнуть и полакомиться раковинами или мелкой рыбешкой, иногда остающимися здесь после отлива.

Вот этот-то островок давно интересовал меня; мне хотелось побывать там, осмотреть его, полюбоваться на птиц, которые собирались на нем в гораздо большем количестве, чем в другом месте. По-видимому, птицы особенно любили эти утесы, и едва только море начинало отступать, как они слетались со всех сторон, парили над вехой, а потом садились на черные утесы, совершенно исчезавшие под их белыми перьями.

Это были чайки, но самых разнообразных пород: тут были и маленькие, и большие, к которым иногда присоединялись гагары и морские ласточки. С берега, конечно, трудно было определить, какие именно птицы сидели на островке; все они на таком расстоянии казались не больше воробья, и если бы случайно на островок попала не целая стая, а только одна птица, то ее просто не было бы видно с берега.

Я с самого раннего детства любил животных, а особенно птиц, причем главным образом диких, изучение жизни которых доставляло мне большое удовольствие. Похоже, вместе со страстью к морю во мне таились задатки натуралиста-орнитолога.

Не помню уже теперь, зачем именно мне хотелось попасть на островок: может быть, для того, чтобы поближе посмотреть на чаек, а может быть, и просто побывать в незнакомом местечке. Но только я страстно желал попасть туда, и это желание возрастало все больше и больше с каждым разом, как я обращал свой взор на островок. Я так хорошо знал форму островка во время отлива, что мог бы даже нарисовать его по памяти. Едва появляясь из воды по краям окружности, он постепенно поднимался таким образом, что посередине представлял собой криволинейную выпуклость; это был как будто огромный кит, а веха, помещенная на самой верхней точке, походила на острогу, вонзенную в его спину.

Мне очень хотелось дотронуться до вехи, посмотреть, из чего она сделана и какой она величины, потому что с берега она казалась высотой не больше метра. Хотелось мне также узнать, из чего сделан этот шарообразный буек, укрепленный наверху вехи, и, наконец, узнать, каким способом сама веха прикреплена к скале. А она, должно быть, была прикреплена прочно, потому что я видел, как в самые страшные бури она сопротивлялась ярости бушующих волн.

Я только и думал последнее время о том, как бы посетить это заманчивое местечко, но случая все не представлялось. Отправляться туда одному в гичке было слишком далеко и слишком опасно, а из взрослых никто и не думал предложить мне съездить с ним на островок. Правда, Гарри Блю обещал как-то свозить меня туда, при этом подсмеиваясь над моим непреодолимым желанием посетить риф. Его это, само собой разумеется, не могло интересовать. Во время своих поездок он не раз проплывал мимо островка и, наверное, даже останавливался на нем. Кто знает, может быть, ему случалось привязывать свою лодку к вехе во время охоты на морских птиц или ловли рыбы, которая, по рассказам, около островка просто кишела. Но мне, к несчастью, ни разу не посчастливилось сопровождать Гарри в такие дни, а теперь я уже и рассчитывать на него больше не мог, потому что в воскресенье, единственный мой свободный день, он обычно был занят еще больше, чем в будни.

---

[7] Фут – английская мера длины, равная примерно 30 сантиметрам; в 1 футе – 12 дюймов.

Я долго и напрасно ждал, но теперь твердо решился воспользоваться таким удобным случаем и одному отправиться в гичке на осмотр каменного рифа. И вот я приступил к осуществлению этого великого предприятия: я отвязал лодку и, гребя изо всех сил, заставил ее скользить по поверхности моря.

Совершенно безопасная для взрослого, эта экскурсия была очень рискованной для ребенка моих лет. Надо было проплыть целых три мили над бездонной пропастью, а я никогда еще не отплывал и на половину этого расстояния, по крайней мере один. Вместе с Гарри мы много раз бороздили бухту по всем направлениям, но тогда не я управлял лодкой, и, учитывая опыт молодого перевозчика, у меня не было причин для страха. А теперь – какая разница! Я был один, совершенно один, и в случае несчастья мне уже никто не смог бы помочь.

Сказать по правде, я не отплыл еще и на милю от берега, как стал находить свое предприятие не только дерзким, но просто безумным и уже почти готов был отказаться от него. К несчастью, я подумал, что кто-нибудь из деревенских мальчиков, завидующих моей репутации морского волка, может быть, видел, как я направился к островку, и, угадав причину моего поспешного возвращения, может назвать меня трусом. Эта мысль, вместе с желанием достигнуть цели, удержала меня; я собрал все свое мужество и продолжал путь.

Глава VI
Белое покрывало

Приблизительно в полумиле от утеса я бросил весла и повернулся, чтобы осмотреть островок. Сейчас он весь выдавался наружу, так как был полный отлив; темные камни сплошь были покрыты белой массой всевозможных морских птиц. Сначала мне показалось, что на островке уселась стая лебедей или диких уток. Но когда я подплыл поближе, все эти лебеди и утки оказались чайками; одни, покружившись в воздухе, присаживались отдохнуть на груду камней, а другие в то же время поднимались и куда-то летели, испуская свои пронзительные крики, которые мне теперь уже хорошо были слышны, несмотря на еще довольно значительное расстояние.

Я продолжал путь с намерением снова остановиться на некотором расстоянии от островка, чтобы можно было последить за движениями птиц. Некоторые из чаек бегали по утесу, но почему – я не мог этого понять. Чтобы их не пугать, я греб тихо, погружая весла в воду со всевозможными предосторожностями, как кошка, подбирающаяся к добыче. Подойдя поближе, я снова поднял весла и, повернув голову, увидел, что птицы еще не испугались меня. Правда, чайки редко обнаруживают беспокойство, пока находятся вне досягаемости ружейного выстрела, а это расстояние они каким-то загадочным образом отлично знают. Если бы у меня было с собой огнестрельное оружие, весьма возможно, что они улетели бы гораздо раньше, чем я подплыл бы к ним так близко: чайки, как и вороны, издалека отличают ружье от палки. Но ружья у меня не было, а если б и было, то я все равно не сумел бы выстрелить из него.

Долго и с живейшим любопытством я рассматривал птиц. Все они были чайками, но двух пород, различных по росту и по цвету. У одних была черная голова и сероватые крылья; другие, большие, были почти совершенно белые; но у всех у них был такой чистый вид, что, казалось, ни одно грязное пятно никогда не пачкало их перья, а их ярко-красные лапки блестели, как чистейший коралл. Тут только я увидел, что они делали на островке: одни разыскивали себе пищу, состоявшую из маленьких рыбок, крабов, креветок, омаров, ракушек и другой подобной мелочи, оставленной морем; другие в это время приглаживали свои перья, которыми, повидимому, очень гордились. Но хотя вид у них был довольный и счастливый, у чаек, как и всех других живых существ, были свои заботы и свои печали. В этот день я был свидетелем нескольких ужасных птичьих ссор и драк, которые мог приписать одной только ревности.

Нет ничего интереснее, чем смотреть, как чайки ловят рыбу. Они при этом бросаются с высоты больше ста метров, бесшумно погружаются в воду и мгновение спустя снова появля-

ются с добычей в клюве. Даже движения коршуна не так грациозны, как стремительный полет чайки, занятой рыбной ловлей.

Долго оставался я недвижим, рассматривая чаек, потом решил наконец пристать к островку – конечной цели моей экспедиции. Чайки подпустили меня совсем близко, не покидая своих мест, – по-видимому, они совсем не боялись моего присутствия; потом они полетели прямо над моей головой, причем так низко, что я мог бы достать до них веслом.

Одна из них, казавшаяся мне самой крупной изо всей стаи, – наверное, потому, что она более всех была на виду, – все время оставалась на верхушке вехи. Она первой пустилась в путь, испуская резкий крик, как бы приглашая товарищей следовать за собой. Был ли это вожак стаи или только часовой? Этого я не знаю, но мне была знакома эта тактика, поскольку я видел ворон, проделывавших то же самое, прежде чем напасть на поле, засаженное бобами и картофелем.

Исчезновение птиц меня огорчило; море показалось мне темнее, что было вполне естественно: вместо белых перьев чаек, так радовавших мой взор, передо мной был только уединенный утес, покрытый обломками камней, таких же черных, как если бы их вымазали дегтем. Моя тревога имела еще и другую причину: поднялся легкий ветерок, в то время как набежавшее облако закрыло собой солнечный диск, и море, до сих пор такое спокойное и прозрачное, стало вдруг сероватым; по нему побежали волны. В таких условиях каменный риф уже казался мне не столь заманчивым; но я же приехал, чтобы его осмотреть, поэтому я греб до тех пор, пока киль гички не ударился об утесы. Здесь я поставил лодку в безопасное место в маленькой бухточке, а сам, выпрыгнув на землю, направился к вехе, которую в продолжение стольких лет видел только издалека и с которой теперь страстно желал познакомиться поближе.

Глава VII
Морской еж

Вскоре я уже стоял около вехи и своими собственными руками трогал так интересовавший меня буек – с такой же гордостью, как если бы он стоял на самом Северном полюсе. Больше всего меня удивили размеры вехи. Издалека, с берега, веха казалась мне не толще рукоятки вил или кирки, а укрепленный на ее верху шар – не больше крупной репы. И вдруг, к моему удивлению, оказалось, что веха куда толще моего бедра, а шар гораздо больше меня самого. На самом деле это было не что иное, как девятигаллонный[8] бочонок, насаженный на конец вехи и наглухо прикрепленный к ней. Бочонок был выкрашен белой краской, что, впрочем, я знал и раньше, так как не раз любовался им среди дня при ярком солнечном свете.

Так же неверно я определил, на какой высоте от земли он находится. Мне казалось, что веха не больше трех или четырех футов в высоту, а в действительности в ней было не меньше двенадцати футов – как мачта на шлюпе.

Остров же занимал площадь не меньше акра[9], то есть был раз в сто больше, чем я предполагал. Он был покрыт валунами, начиная от самых маленьких и кончая камнями с человеческую голову. Там и сям выдавались острые вершины утесов, полускрытых в пенившейся вокруг воде: это были верхние части огромных каменных масс, образующих рифы. Все эти камни, большие и маленькие, были покрыты клейкой черной массой. Местами камни исчезали под слоем водорослей.

Осмотрев веху и укрепленный на ней бочонок, я начал изучать риф в надежде напасть на редкую раковину или на какой-нибудь другой трофей, который заслуживал бы того, чтобы взять его с собой на память о поездке на островок.

Со стороны, противоположной той, где я оставил свою лодку, риф выдавался в море, образуя нечто вроде полуострова, на котором, как мне почему-то казалось, я непременно найду то, что мне нужно. Я и направился туда – разыскивать свои сокровища. Раковин тут действительно было много; в одних виднелись улитки, а хозяева других, по всей вероятности, уже успели стать жертвами прожорливых пернатых гостей. Но все это было не то, что мне нужно; я мог набрать сколько угодно точно таких же раковин и у себя дома. К величайшему моему сожалению, здесь не было устриц. Я проголодался и с удовольствием съел бы дюжину-другую этих вкусных и питательных слизняков. Крабов и омаров, правда, было полно, но мне не хотелось есть их сырыми, а сварить добычу не было решительно никакой возможности.

Двигаясь к полуострову, я принялся искать морского ежа, но и его нигде не было видно. Моей давней мечтой было когда-нибудь добыть эту красивую и редкую раковину. После приливов их иногда находили на нашем берегу, и те, кому улыбнулась удача, ни за какие блага не соглашались расстаться с дорогим трофеем.

Но так как риф был далеко и на него редко заглядывали перевозчики, то я надеялся найти здесь хоть парочку морских ежей. С этой целью я тщательно обшаривал все трещины и ямы, до которых только мог достать. По мере моего приближения некоторые блестящие предметы, замеченные мной ранее, становились видны все отчетливее, и у меня было предчувствие, что я обязательно сделаю какое-нибудь важное открытие. Несмотря на это, я не прибавлял шагу. Мне не нужно было бояться, что раковины убегут в море, так как я знал, что их хозяева давно уже покинули свои жилища. И я шел медленно, продолжая свои поиски, но ничего не нашел по своему вкусу до приближения к полуострову. Но едва я взошел на него, как чудный предмет

---

[8] Галло́н – мера объема, равная примерно 4,5 литра.

[9] Акр – английская единица площади, равная примерно 0,4 гектара.

блеснул у меня перед глазами; он был темно-красного цвета и круглый, как апельсин, только гораздо крупнее. Впрочем, что мне вам его описывать? Каждому из вас не раз, я думаю, случалось любоваться морским ежом.

Я поспешно схватил раковину, некогда служившую жилищем морскому ежу, и с любопытством стал рассматривать ее удивительные контуры, странные выпуклости на поверхности и гладкую белую пустоту внутри. Это была одна из самых красивых когда-либо виденных мной раковин, и я поздравлял себя с удачной находкой, которую сохраню на память о своей поездке.

Глава VIII
Катастрофа

Довольный исполнением моего страстного желания, я решил вернуться домой и направился к лодке. И тут – о, ужас! Что я увидел! И еж, и все другие найденные мной раковины посыпались у меня из рук, а я сам чуть не упал навзничь – так велико было мое изумление. Моя лодка! Где моя лодка?

Увы!.. Бухточка была пуста, а мой челнок плыл себе, подпрыгивая с одной волны на другую и все быстрее удаляясь от берега. Впрочем, в этом ничего не было удивительного: я не позаботился привязать лодку, а посвежевший ветер выгнал гичку сначала из бухты, а потом и в открытое море.

Скоро мое изумление перешло в сильное беспокойство. Как поймать гичку? А если мне не удастся ее поймать, как я вернусь на берег? От островка до берега по меньшей мере три мили; нечего и думать проплыть их, нечего рассчитывать также, что кто-нибудь явится мне на помощь, потому что скорее всего меня даже и не видно с берега, а если и видно, кому придет в голову, что я здесь в таком ужасном положении! Чем больше я раздумывал об этом, тем все сильнее становился мой страх; с каждой минутой я все более ясно осознавал опасность, в которую я попал исключительно благодаря своей собственной небрежности.

Что делать? Сначала мне казалось, что нет другого выхода, как остаться на рифе; но если бы, однако, мне удалось догнать гичку вплавь… Она, собственно, еще не так далеко, чтобы я не мог до нее добраться, – всего каких-нибудь сто метров. Я быстро решился догнать убегавший челнок; раздумывать было некогда – гичка все больше и больше удалялась от моего островка. В одно мгновение я сбросил с себя всю одежду, кинулся в воду и поплыл к гичке, изо всех сил работая руками: я понимал, что в этом мое единственное спасение. К несчастью, расстояние, отделявшее меня от лодки, никак не сокращалось, и мысль, что мне не удастся догнать гичку, наполняла меня страхом и отчаянием. Если я не в силах догнать лодку, то не лучше ли мне вернуться на островок, иначе я могу просто пойти ко дну от истощения сил. Но когда я уже собрался вернуться на риф, ветер вдруг переменился, и я увидел, что челнок слегка повернулся и направился почти что в мою сторону. Тогда я решил сделать последнее усилие и поймать беглянку; наконец это мне удалось, и несколько минут спустя я уже смог схватиться за борт лодки и перевести дух.

Отдохнув немного, я попытался забраться в гичку, но легкое суденышко перевернулось под моей тяжестью, и я оказался под водой. Вынырнув на поверхность, я снова ухватился за челнок и стал карабкаться вверх, пытаясь сесть верхом на киль. Это мне тоже не удалось, но при этом гичка опять перевернулась и приняла естественное положение. Лучшего нельзя было и желать; но тут я с ужасом увидел, что лодка полна воды, которую она зачерпнула при перевороте. Благодаря тому, что тяжесть воды увеличивала устойчивость гички, на этот раз мне удалось перемахнуть через борт и целым и невредимым свалиться в лодку.

Но тут же я стал замечать, что челнок, еще более отяжелев от моего веса, начал погружаться подо мной. Если бы я сохранил достаточное присутствие духа и выбрался из лодки, то, наверное, продолжал бы держаться на воде. Но, увы, отчасти от страха, а отчасти вследствие усталости я совсем потерял голову и, не сознавая, что гичка того и гляди потонет, продолжал стоять в ней по колено в воде. Не подумайте, пожалуйста, что я забыл о необходимости как можно скорее отлить воду из гички, – все дело-то в том, что у меня не было черпака; заменявшая его кастрюлька, по всей видимости, пошла ко дну, когда челнок опрокинулся. Я забыл вам еще сказать, что у меня не было и весел: они выпали из уключин и плавали уже довольно далеко от меня. В отчаянии я принялся вычерпывать воду руками, но это, конечно, не помогло – лодка

все больше и больше погружалась в воду и через минуту пошла ко дну. Я едва успел выпрыгнуть вовремя, чтобы не попасть в водоворот, который мог бы утопить и меня.

Бросив последний взгляд на то место, где только что навсегда скрылась под водой моя гичка, я поплыл назад по направлению к рифу. После больших усилий мне удалось наконец до него добраться; пришлось бороться и с ветром, и с течением, которое относило утомленного пловца далеко в сторону. Но, как бы то ни было, я преодолел эти препятствия, хотя, достигнув утеса, я чувствовал себя до такой степени слабым, что, казалось, не мог даже шевельнуться. Несколько минут я пролежал пластом на том самом месте, где повалился, когда выбрался из воды. А вместе с тем я был в таком положении, что нельзя было терять ни минуты, и как только я немного передохнул, то снова поднялся на ноги.

Странная вещь! Почему-то я прежде всего взглянул на то место, где затонула гичка, но ее и следа не было; одни только весла продолжали носиться по волнам, как бы в укор моему легкомыслию и неосторожности.

Затем я перевел глаза на берег, но и там ничего не было видно, кроме деревни, в которой с трудом можно было различить отдельные дома. Как бы для того, чтобы усугубить ужас и опасность моего положения, небо покрылось тучами; ветер все свежел. Вскоре волны стали подниматься на такую высоту, что совершенно заслонили от меня берег. Само собой разумеется, звать на помощь было бесполезно, потому что даже в самую тихую погоду мой голос не могли бы услышать с берега.

На море я не заметил ни одного судна. У нас строго соблюдались праздники, и теперь, по случаю воскресенья, все рыбачьи шлюпки отдыхали в гавани. Сколько я ни всматривался – на горизонте не было видно ни одного паруса! На этом островке я был так же одинок, так же мало мог рассчитывать на помощь, как если бы лежал в заколоченном гробу. Это одиночество наполняло меня ужасом, и я, помню, упал на утес и горько заплакал.

Вдруг снова появились чайки. По-видимому, раздраженные моим присутствием на их любимом островке, они парили надо мной и оглушали своими пронзительными криками, как будто стараясь еще больше усилить мое отчаяние. То одна, то другая из них временами как стрела проносилась прямо около моей головы, потом возвращалась, испуская такие дикие крики, что я начал бояться, как бы птицы не напали на меня. Но, скорее всего, чайки ничего подобного и не замышляли: по-моему, их влекло простое любопытство.

Обдумав свое положение, я пришел к заключению, что мне остается только одно: сидеть и ждать, пока кто-нибудь не придет мне на помощь.

Но кто же это может быть? Не мог же я рассчитывать, что кто-нибудь из деревни наблюдает за тем, что делается на рифе! А если даже кто и смотрит оттуда в мою сторону, то едва ли найдутся такие хорошие глаза, чтобы меня разглядеть.

Правда, у Гарри Блю да еще у двух-трех человек были подзорные трубы, но не всякий же день они пускают их в дело. Кроме того, можно побиться об заклад – десять к одному! – что они не станут смотреть туда, где я находился. В эту сторону никогда не направлялось ни одной лодки, а корабли, как выходившие из бухты, так и прибывавшие, всегда проходили подальше от рифа. Поэтому было очень мало шансов, что меня заметят с берега, и еще меньше – самому увидеть какое бы то ни было судно, которое проходило бы настолько близко, чтобы можно было его окликнуть и чтобы меня с него заметили.

Глава IX
Веха

В глубокой тоске я присел на камень.

Я не боялся так долго проторчать на этом островке, чтобы умереть на нем с голоду: Гарри Блю, не найдя на месте гички, поймет, что взял ее именно я, а не кто-нибудь другой, потому что только я имел право пользоваться лодкой в любое время и по своему усмотрению. Но весьма возможно, что он вернется домой только вечером, может быть, даже и поздно ночью, – все зависит от того, куда он поехал. Гарри, конечно, прежде всего отправится к моему дяде, узнает, что меня нет дома. После этого меня примутся разыскивать и, конечно, найдут.

Как ни странно, я не столько тревожился за свое положение, сколько за последствия моего поступка. Как буду я смотреть в глаза моему другу Гарри? Как вознаградить его за потерю гички? Денег у меня не было, и я точно знал, что дядя откажется заплатить за меня. А между тем Гарри должен получить компенсацию. Но как? Если бы дядя позволил мне работать у Гарри, я мог бы с ним расквитаться; только бы я мог ему чем-нибудь пригодиться.

И вот я стал высчитывать, сколько стоит гичка; в ту минуту это было главной моей заботой; мне еще не приходило в голову, что моя жизнь в опасности.

Правда, я ждал, что буду страдать от голода и холода и промокну до костей; знал я также, что во время прилива островок совсем покрывается водой и что мне придется провести ночь в воде; но на какой глубине? Может быть, даже по колено?

Я стал искать возможность разузнать что-нибудь на этот счет. Часто я замечал с берега, что каменный риф исчезал полностью, но я всегда думал, как и все в деревне, что море покрывает островок всего на какие-нибудь несколько дюймов.

Сначала я не находил никакой подсказки. Наконец мой взгляд упал на веху; я стал внимательно ее рассматривать сверху донизу и совершенно отчетливо увидел нанесенную белой краской линию, указывающую уровень воды во время полного прилива. Теперь представьте себе мой ужас, когда я понял, что эта линия проходила не ниже как в шести футах от основания столба!

В панике я побежал к вехе, встал совсем близко и поднял глаза вверх. Увы! Первое впечатление не обмануло меня: линия была так высоко над моей головой, что я едва мог достать до нее кончиком пальца.

При этом открытии кровь застыла в моих жилах. Опасность была даже слишком велика. Прежде чем придут ко мне на помощь, будет полный прилив, и я буду смыт и поглощен волнами.

Я был в страшной опасности. Что я говорю – в опасности! Я был обречен на верную смерть. Я был убежден, что помощь не сможет прийти ко мне в тот же день, а через несколько часов начнется прилив, а с ним вместе настанет и мой конец! Если даже предположить, что меня и начнут искать еще до ночи, что практически невозможно, то они все равно опоздают и прибудут на островок, когда от меня и следа не останется.

Страх и отчаяние надолго парализовали мои умственные способности. Я ничего не соображал, только машинально все еще продолжал осматривать горизонт в поисках помощи. Но кругом не было видно ни одного паруса, ни одной человеческой души; море и только море, пенящиеся волны которого уже начали заливать мое последнее убежище.

Но вдруг в моей голове смутно промелькнула надежда на спасение. Случайно подняв глаза, я взглянул на веху, и в ту же минуту подумал, что для меня еще не все потеряно, – я могу спастись, и эта самая веха будет орудием моего спасения.

Вы, конечно, догадываетесь, каким способом я надеялся спастись: я решил взобраться на самую верхушку вехи и переждать там, пока не наступит отлив. Верхняя часть вехи, я это знал, постоянно выдавалась над водой, даже во время полного прилива, и если я заберусь туда, то могу рассчитывать на спасение. Я был ловок и отлично умел лазить по деревьям. Так что мне стоит взобраться и на веху! По всей вероятности, мне придется провести на бочонке тяжелую ночь, но там, по крайней мере, я буду в безопасности, а потом буду весело рассказывать друзьям, как я вышел целым и невредимым из этого приключения.

Надежда оживила меня, а с ней вместе ко мне вернулась и моя всегдашняя отвага. Я подошел к шесту, собираясь залезть на него, но пока еще не для того, чтобы окончательно устроиться на нем на все время прилива; это я успею сделать и тогда, когда вода начнет прибывать. Сначала я хотел только попробовать и убедиться, что мне нетрудно будет не только добраться до бочонка, но и взлезть на него, когда настанет минута опасности. Но оказалось, что это гораздо труднее, чем я полагал, глядя на веху снизу. Шест по меньшей мере футов на шесть от земли был покрыт клейкой массой, которая густым слоем покрывала и весь островок, что делало веху такой же скользкой, как мачты с призами на наших деревенских праздниках.

Несколько раз я сползал вниз и снова принимался подниматься, прежде чем достиг белой линии; дальше уже было гораздо легче, и я скоро добрался до вершины. Но когда я, довольный своим успехом, протянул руку, чтобы ухватиться за бочонок и взобраться на него, возникло новое, совершенно неожиданное препятствие, разрушившее все мои надежды: моя детская рука была слишком коротка и не могла достать до верхнего края бочонка. Оказалось, что я не смогу взобраться на бочонок, но не смогу и удержаться под ним на вехе: за какие-нибудь несколько секунд руки и ноги мои ослабели до такой степени, что я скорее свалился, чем соскользнул вниз, на землю.

Несколько раз я повторял попытку – и все с одним и тем же результатом. Как ни вытягивал я свои руки и ноги, я никак не мог растянуться до такой степени, чтобы достать верхний край бочонка. Каждая такая попытка оканчивалась тем, что я все больше обессилевал и вынужден был быстро спускаться вниз.

Будь у меня с собой нож, я мог бы сделать на столбе зарубки, чтобы иметь хоть какую-то точку опоры для ног, но ножа, конечно же, не оказалось. Оставалось одно из двух: или отказаться от попытки спастись, или ухитриться прогрызть дерево зубами, но об этом, разумеется, нечего было и думать. Я уже пришел было в полное отчаяние от своей беспомощности, как вдруг в моей голове возникла новая блестящая мысль. Почему бы, подумалось мне, не воспользоваться разбросанными по островку камнями и не сложить из них нечто вроде пирамиды высотой до самой ватерлинии – я могу взобраться на нее и переждать там время прилива. Проще этого ничего, кажется, и быть не может! Задача моя была тем легче, что основание вехи и так уже было обложено грудой камней, по всей вероятности для того, чтобы лучше укрепить шест. Оставалось только как можно скорее натаскать камней и обкладывать шест все выше и выше. А наверху можно будет устроить площадку, где я и размещусь, даже с некоторым комфортом.

В восторге от того, что мне наконец-то удалось найти выход из этого ужасного положения, я бросился приводить в исполнение свой план. Островок был весь покрыт валунами, и мне казалось, что достаточно будет нескольких минут, чтобы набрать столько камней, сколько нужно для достижения моей цели. Но только я принялся за работу, как понял, что на строительство пирамиды нужны не минуты, а часы.

Но, несмотря на это, я неустанно работал со всей силой, на которую только был способен. Я был твердо уверен, что мне удастся устроить пирамиду нужной высоты; вопрос заключался только в том, хватит ли у меня на это времени.

Прилив начался уже давно; вода поднималась медленно, но непрерывно; я видел, что она уже лижет утес, самые нижние части которого постепенно исчезали с моих глаз.

Во время работы я несколько раз падал, и мои колени были все в крови от ударов о твердые камни; но мне некогда было обращать внимание на такие пустяки, как я называл теперь свои кровавые ссадины. Моя жизнь была в опасности, а в таких условиях не задумываются над ничтожными ранами, сколько бы их ни пришлось получить.

Раньше, чем вода прилива накрыла островок, я успел натаскать груду камней высотой почти с меня самого, но этого было слишком мало, – до ватерлинии оставалось, как я определил на глаз, еще верных два фута. Нужно было заполнить камнями и это пространство, и я с новой энергией принялся за работу, не давая себе ни минуты отдыха. А между тем работа с каждой минутой становилась все труднее и труднее: все ближайшие ко мне камни я уже успел подобрать, и теперь должен был бегать за строительным материалом довольно далеко. И я бежал, падал, поднимался и снова бежал, разбивая себе руки и ноги. Все это отнимало массу времени. Наконец куча поднялась выше моей головы; но теперь, чтобы положить на нее камень, особенно большой, требовалось уже несколько минут. Не раз случалось, что едва я успевал положить камень и вроде бы хорошо его укрепить, как он срывался и падал вниз, угрожая при этом проломить мне голову или перебить ногу.

Так я трудился не менее двух часов, и мне нужно было еще столько же времени, чтобы мои труды увенчались успехом. Но, к сожалению, прилив наступал. Вода поднялась настолько, что не только весь остров исчез под ней, но и сам я стоял уже в воде.

Несмотря на это, я все-таки продолжал работать. Согнувшись всем телом, наполовину погрузившись в воду, я на ощупь отыскивал большие камни и водружал их на кучу. Брызги воды обливали мое разгоряченное лицо; временами волны побольше разбивались о мои ноги, грозя поглотить меня, но я все продолжал работать.

Наконец вода прибыла настолько, что я уже с трудом мог держаться на ногах. Тогда, наполовину идя вброд, наполовину вплавь, я дотащил последний камень и положил его на вершину пирамиды, а затем взобрался на нее сам и, крепко обхватив столб рукой, устроился на моем последнем убежище. В этой позе с дрожью наблюдал я за ростом уровня прилива.

Разумеется, я вовсе не считал свое убежище, к тому же не достававшее до ватерлинии, надежным и, если хотите знать правду, очень боялся за свое будущее. О, если бы я успел вовремя довести мою груду камней до белой линии и потом укрепить ее как следует, чтобы она могла сопротивляться силе морских волн! Тогда мне, конечно, нечего было бы бояться, и я, пожалуй, даже с удовольствием полюбовался бы картиной прилива.

Хоть я и не сомневался, что сама веха устоит, – я слышал в деревне рассказы, что она за много лет не раз выдерживала даже самые страшные бури, – но сложенная мной груда камней внушала мне самые серьезные опасения. Мне удалось довести ее только до пяти футов, и, таким образом, до ватерлинии оставался еще целый фут, – значит, мои ноги в течение нескольких часов на целый фут будут в воде. Ну а если ветер усилится, если налетит шквал, что тогда будет со мной?

С берега мне не раз приходилось видеть, как во время шторма волны перекатывались через сигнальный бочонок. Стоит только подняться буре, и я погибну, – спастись не будет никакой возможности. Устраивая эту пирамиду, я клал камни наспех, как попало, не имея ни времени, ни возможности уложить их правильными рядами; еще становясь на них, я уже чувствовал, что они лежат далеко не так крепко, как следует. Что будет со мной, если эта груда камней разрушится под напором морских волн, особенно во время бури? Развалятся камни, я упаду, а там одно из двух – или утону, или камни раздавят меня.

Глава X
На столбе

Я долго сохранял принятую мной с самого начала позу: обхватив рукой столб, я прижимал его к груди, как дорогого друга. И действительно, он был моим единственным другом, моим единственным спасением в эту минуту. Начать с того, что без него мне вряд ли удалось бы сложить камни в груду, на которой я стоял. Кроме того, я не смог бы удержаться на вершине этого импровизированного убежища, если бы не столб, служивший мне поддержкой.

Я старался не шевелиться – так сильно я боялся пошатнуть мой пьедестал. Если он рухнет, у меня, конечно, уже не будет никаких шансов построить его снова.

Но если я и стоял неподвижно, как истукан, то голову я поворачивал в разные стороны, в который раз в надежде на помощь вглядываясь в горизонт, но так и не заметил ни одного паруса. Я видел только огромные волны, с ревом перекатывающие через риф. Они казались разгневанными и, ворча, проходили подо мной, как бы упрекая меня за вторжение. Какое я, слабый смертный, имел право занимать место там, где они так любят резвиться? Мне даже чудилось, что они как будто говорили со мной.

От непрерывного бега волн у меня начинала кружиться голова, и мне казалось, что рано или поздно я все равно буду поглощен мрачной бездной. Я видел, как волны, понемногу поднимаясь, начали проходить по камням моей пирамиды и заливать мои ноги. Я видел, что прилив все нарастал; волны поднимались все выше и выше… Вот они уже захлестывают мои колени… О небо! Когда же они остановятся?

Не скоро еще… Вот они дошли мне до пояса, вот покрыли мои плечи… Их солоноватая пена хлестала мне в лицо, проникала в рот, в нос и в уши…

К счастью для меня, в это время был уже полный прилив, и хотя я был совершенно обессилен, но тем не менее продолжал с отчаянным упорством цепляться за столб. Я мог бы продержаться так до утра, но оказалось, что самое страшное еще впереди…

Наступила ночь, принеся с собой сильный ветер; грозные тучи, которые еще в сумерки я заметил на горизонте, разразились ливнем; волны вздымались все более яростно, их удары становились такими сильными, что два или три раза меня чуть не унесло.

Испуг мой достиг крайней степени, так как теперь я хорошо понимал, что, если буря еще хоть немного усилится, у меня уже не хватит сил бороться с волнами.

Последняя волна была такой мощной, что даже сдвинула меня с места, на котором я стоял. Я немного приподнялся на руках и ногой стал искать верхушку пирамиды, как вдруг следующая огромная волна отнесла обе мои ноги далеко от столба. Однако я удержался на руках и в продолжение минуты плавал почти в горизонтальном положении. Когда волна прошла, я попытался занять прежнюю позицию на своей площадке; но едва я до нее дотронулся, как почувствовал, что груда камней рушится подо мной!

Не имея под ногами опоры, я соскользнул вдоль столба и упал в воду, на развалины моей постройки.

Напомню вам, что я учился плавать и, к счастью для меня, был уже довольно ловок в этом искусстве. Бесспорно, в ту минуту это был мой самый полезный талант: не умей я плавать и нырять, то наверняка бы погиб.

Тотчас же вынырнув на поверхность, как утка, я стал осматриваться вокруг. Я искал столб, что оказалось вовсе не легко, потому что морская пена заливала мои глаза. Несколько раз я повернулся вокруг самого себя, как собака, которая что-то ищет в воде; теперь я даже не знал, в каком направлении находилась веха; я был совершенно сбит с толку.

Наконец я ее заметил, но не близко от себя, как вы, может быть, это себе представляете, а уже метрах в двадцати. Ветер и волны отнесли меня в сторону, и, если бы я вовремя не спохватился, они увлекли бы меня на такое расстояние от сигнального столба, что я уже не смог бы вернуться к нему.

Я поплыл прямо к столбу; не то чтобы я твердо понимал, что буду там делать, я плыл к нему скорее просто по инстинкту – как утопающий, хватающийся за соломинку. Я не стану уверять вас, что был вполне хладнокровен; напротив, я был очень испуган. Но не тем, что не в состоянии добраться до столба, – для этого я был достаточно хорошим пловцом, я боялся другого: а что, если эта веха не сможет удержать меня, что, если она тоже рухнет в тот самый миг, когда я подплыву к ней?

Я уже знал по собственному опыту, что не сумею взобраться на бочонок; если бы я только мог, то давно уже был наверху и там, в полной безопасности, переждал бы шторм. Более того, если бы мне удалось взобраться на бочонок до наступления ночи, может быть, кто-нибудь увидел бы меня с берега, и я был бы спасен.

Так что теперь мне и в голову не пришло вновь попытаться взобраться туда; если только веха держится прочно, мне нужно придумать какой-нибудь другой способ удержаться на ней.

Наконец я добрался до столба, хотя и ценой огромных усилий, так как мне приходилось бороться с ветром, волнами и дождем. Я тут же вновь прижал его к груди как моего спасителя… Чем же он был для меня, как не спасителем? Если бы не он, мне ни за что не удалось бы справиться с бушующей стихией.

До тех пор, пока я держался руками за столб, мне не очень трудно было оставаться на поверхности воды. В тихую погоду я мог бы продержаться в таком положении до отлива, хотя это было и очень неудобно; но море было бурно, и это совершенно меняло дело. Правда, в ту минуту, когда я добрался до столба, наступило короткое затишье; это счастливое обстоятельство дало мне возможность перевести дух. Но вскоре ветер стал еще свирепее, а волны бушевали еще сильнее, чем раньше. То они поднимали меня до самого бочонка, то вдруг опускали с огромной высоты, ускользая из-под меня, то они заставляли меня вертеться вокруг столба, как циркового акробата. Я мужественно выдержал первый удар. Я знал, что речь идет о моем существовании, и решил бороться до последней минуты; но я чувствовал, что силы мои на исходе; меня обуревали тягостные предчувствия.

Что я мог сделать, чтобы устоять против ярости волн? Если бы только у меня была веревка, которой я мог бы привязать себя к столбу! Но веревка была так же далека от меня, как лодка или дядюшкино кресло; об этом нечего было и думать.

Но тут словно добрый гений вложил мне в голову мысль; я вспомнил о хорошем средстве, которое могло бы заменить собой отсутствующую веревку.

Вам не терпится узнать, что это такое? Ну так слушайте.

Я носил, как и все крестьянские дети того времени, куртку из грубой бумажной ткани. Она была моей повседневной одеждой, а со времени смерти моей бедной матери я надевал эту куртку и по воскресеньям. Не смейтесь над моим скромным одеянием. С тех пор, конечно, мне доводилось одеваться и получше; бывало, я носил самое тонкое сукно, когда-либо выходившее из английских мануфактур. Но я никогда и ничем так не дорожил, как этой моей скромной курткой. Я могу твердо сказать, что обязан ей жизнью. По счастью, на ней был пришит целый ряд хороших пуговиц, не костяных или роговых, какие носят теперь, но хороших, крепких металлических пуговиц размером с шиллинг[10].

По счастью, куртка была на мне. Вы, надеюсь, помните, что, прежде чем пуститься вдогонку за гичкой, я разделся; но, когда я вернулся на островок, вдруг заметно похолодало и я

[10] Ши́ллинг – английская монета; 20 шиллингов составляют 1 фунт стерлингов.

почувствовал потребность одеться потеплее; как вы сейчас увидите, это было большой удачей для меня.

Ну, и как вы думаете, каким образом я воспользовался своей курткой? Вы, может быть, решили, что я разорвал ее на полосы, чтобы сделать из них веревку? Нет, это было бы довольно трудно, особенно для пловца, которого то и дело подбрасывали волны и у которого свободной была только одна рука. Впрочем, я и не смог бы стащить с себя мокрую куртку: она буквально облепила меня. Так вот, я придумал другой способ. Я прижался к столбу, обернул его своей курткой, которую с трудом сумел распахнуть, и застегнул ее сверху до низу. К счастью, она была достаточно просторна для этого. Мой дядя за всю свою жизнь не сделал мне большего одолжения, как в тот день, когда заставил меня надеть эту дешевую куртку, в которую я влезал, как в мешок; впрочем, я помню, что вначале думал иначе…

Когда куртка была застегнута, я смог минутку передохнуть и поразмыслить; это была первая такая минутка за все ужасные последние часы. Я уже мог не бояться, что волны унесут меня в море, – разве только вместе с вехой. Теперь я действительно составлял часть сигнального столба – на тех же правах, что и венчавший его бочонок; даже канатом нельзя было привязать меня к нему крепче, чем держала моя куртка.

Но, к несчастью, это вовсе не избавляло меня от опасности погибнуть в этот злополучный день. Я убедился в этом буквально через несколько минут. Громадная волна нахлынула на островок и пронеслась как раз над моей головой; я сделал было попытку приподняться, чтобы хоть моя голова осталась над волной, но куртка так крепко держала меня, что попытка моя не удалась, и я целиком оказался в воде. Мне начинало даже казаться, что теперь я нахожусь в еще большей опасности, чем раньше. Хотя, когда волна пронеслась, я не сорвался со столба, а продолжал висеть на том же месте, но радоваться тут было нечему. Еще несколько таких же купаний – и я просто-напросто захлебнусь; более того, я могу лишиться сознания и соскользнуть вниз по столбу, где и найду себе верную смерть.

Но вместо того чтобы предаваться таким малоутешительным размышлениям, я стал придумывать, как бы устроиться так, чтобы все время держаться над волнами. Для этого мне нужно было взобраться на самый верх столба, не расстегнув ни одной пуговицы. Наверное, это возможно, подумал я, но тут же возник вопрос: как я смогу удержаться там, повиснув в воздухе? Сил моих надолго не хватит, и я свалюсь в воду. Другое дело, если бы тут был хоть какой-нибудь гвоздь или выемка… Ах, если бы у меня был нож! Но, как вы помните, ножа у меня с собой не было, а столб казался абсолютно гладким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.